Научная статья

УДК 82-43
DOI 10.17223/18137083/97/10

Прагматический аспект полемических текстов Вс. Н. Некрасова 1990–2000-х годов в контексте постсоветской культурной ситуации

Михаил Евгеньевич Сапрыкин

Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина
Москва, Россия

Театральный институт имени Бориса Щукина
Москва, Россия

mikhail2909@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-0030-113X

Аннотация

Несмотря на триумф авторов неофициальной литературы в 1990–2000-е гг., позиция Вс. Н. Некрасова, участника Лианозовской группы и поэта-концептуалиста, осталась резко критической по отношению к новым культурным иерархиям. Примечательно, что главными объектами этой критики Некрасова чаще всего оказываются соратники из неподцензурной среды, а не авторы массовой литературы или бывшие акторы официальной литературы. Установив и проанализировав корпус полемических текстов Некрасова, можно указать на ранее не отмеченные причины столь резкой позиции поэта. В то же время выбранная методология литературной прагматики позволяет как проанализировать имманентную структуру полемических текстов, так и определить те цели, которые Некрасов стремился достичь при помощи своих полемических текстов.

Ключевые слова

Всеволод Некрасов, неофициальная литература, постсоветская литература, литературная прагматика, Лианозовская группа, концептуализм, полемический текст

Для цитирования

Сапрыкин М. Е. Прагматический аспект полемических текстов Вс. Н. Некрасова 1990–2000-х годов в контексте постсоветской культурной ситуации // Сибирский филологический журнал. 2026. № 4. С. 132–145. DOI 10.17223/18137083/97/10

© Сапрыкин М. Е., 2026

The pragmatic aspect of Vs. N. Nekrasov's polemical texts of the 1990s and 2000s in the context of the post-Soviet cultural situation

Mikhail E. Saprykin

Bakhrushin Theatre Museum
Moscow, Russian Federation

The Boris Shchukin Theatre Institute
Moscow, Russian Federation

mikhail2909@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-0030-113X

Abstract

Employing the methodology of literary pragmatics, this paper analyzes the corpus of Vs. N. Nekrasov's polemical texts from the 1990s and 2000s to determine their immanent structure and the goals the author sought to achieve. Despite the triumph of unofficial literature during this period, Nekrasov, a member of the Lianozovo group and the Moscow conceptualist movement, maintained a sharply critical stance toward the new post-Soviet cultural hierarchies. Notably, the primary targets of his criticism were most often his former underground associates, rather than authors of mass literature or former representatives of official literature. Nekrasov's critiques simultaneously address several aspects of post-Soviet culture: the silencing of both himself and his close artistic circle; the disproportionate dominance of theory over practice in cultural studies; the superficiality of literary critics; and the conformism and cronyism (*blat*) of former unofficial writers. The analysis reveals previously unnoticed reasons for the poet's harsh ethical stance. Primarily, this stance stems from Nekrasov's conviction that the relationship between the viewer and the artist must be built on horizontal connections, entirely devoid of intermediaries. Furthermore, the study demonstrates that Nekrasov constructs his polemical texts using the same techniques he employed in his poetry. Ultimately, his primary objective in producing such a substantial volume of critical texts was to purge the sociocultural space of actors whom he deemed superfluous to the artist-viewer relationship.

Keywords

Vsevolod Nekrasov, unofficial literature, post-Soviet literature, literary pragmatics, Lianozovo group, conceptualism, polemical text

For citation

Saprykin M. E. Pragmaticheskiy aspekt polemicheskikh tekstov Vs. N. Nekrasova 1990–2000-kh gg. v kontekste postsovetskoy kul'turnoy situatsii [The pragmatic aspect of Vs. N. Nekrasov's polemical texts of the 1990s and 2000s in the context of the post-Soviet cultural situation]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*]. 2026, no. 4, pp. 132–145. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/97/10

Как известно, в рамках литературного процесса второй половины XX в. в России существовала отдельная подсистема – неофициальная (также встречаются и другие определения: нонконформистская, андеграундная, неподцензурная и др. [Савицкий, 2002]) литература. В 1980-е гг. бытовавшие ранее в самиздате тексты после почти тридцатилетнего интердикта начинают постепенно проникать на страницы официальной печати, а не публиковавшиеся до этого времени авторы завоевывают известность среди широкого круга читателей. Экономические и социальные изменения, закончившиеся распадом СССР, стали основой для перераспределения символического капитала как в общем поле власти, так и в поле литературы. Многие неподцензурные авторы стали главными бенефициарами

произошедших изменений, поскольку именно они, а не бывшие представители официальной литературы (в диапазоне от поэтов-шестидесятников до писателей-деревенщиков) начали играть главную роль в постсоветском литературном процессе. Согласно М. Ю. Бергу, наибольшего признания в 1990-е гг. сумели добиться авторы из круга московских концептуалистов: «Успех канонического ленинградского андеграунда не шел ни в какое сравнение с успехом концептуалистов…» [Берг, 2022, с. 220], и с этими словами трудно не согласиться. Такие литераторы, как Д. А. Пригов, Л. С. Рубинштейн, В. Г. Сорокин и художники И. И. Кабаков, В. Д. Пивоваров, И. С. Чуйков и др. (мы назвали лишь несколько имен в качестве примера) с 1990-х гг. сумели достигнуть либо только социального, либо как социального, так и финансового успеха. Более того, творческая практика концептуалистов, основывавшаяся на демистификации фигуры автора, смешении профанного и сакрального начал и критике метанарративов, стала востребованной стратегией и в массовой культуре 1990–2000-х гг. Другими словами, неподцензурные авторы в постсоветской России праздновали свой триумф. Однако на общем фоне выделяется фигура поэта Всеволода Николаевича Некрасова (1934–2009), участника Лианозовской группы и одного из основоположников московского концептуализма, чья социальная и эстетическая позиция оказалась резко полярной по отношению к сложившимся в 1990–2000-е гг. культурным иерархиям и институциям.

На рубеже 1980–1990-х гг. в творческой практике Некрасова начинает намечаться новый поворот: в первую очередь, заметно увеличивается количество и меняется качество прозаических текстов. Некрасов начал активно работать с прозой теоретического и литературоведческого характера с начала 1970-х гг. (хотя стоит отметить, что в архиве поэта сохранилось несколько небольших пародий и письменных размышлений о классической русской поэзии, которые датируются поздними 1950-ми и 1960-ми гг.), что было характерно для многих неподцензурных авторов как Москвы, так и Ленинграда. Проанализировав все доступные в печати и в архиве поэта прозаические тексты, мы сгруппировали их на основе либо жанрового, либо тематического признака и выделили следующие разделы: теоретические тексты (поводом для их создания становятся тексты других авторов, однако на имплицитном уровне Некрасов в большей степени осмысляет собственное творчество, а не чужое); тексты о русской литературе (эти тексты посвящены отдельным писателям, поэтам или литературным произведениям, хотя часто именно они и оказываются манифестарными); тексты о визуальных искусствах (посвященные художникам, театру, выставкам, кино и другим формам визуального искусства); а также воспоминания (чаще всего посвященные близким художникам или поэтам, которые уже скончались) и письма. Однако в начале 1990-х в этом ряду возникает еще один тип, к которому относятся тексты полемического характера, вошедшие в прижизненные сборники поэта «Справка» [Некрасов, 1991], «Пакет» [Журавлева, Некрасов, 1996], «Дойче Бух» [Некрасов, 1998а], «Лианозово» [Некрасов, 1998б] и «Живу вижу» [Некрасов, 2002], а также опубликованные на сайте барда А. Ш. Левина [1] и уже неактивном интернет-портале «Русский журнал» [2] [«Живем словом»…, 2022, с. 577–620]. Эти тексты направле-

[1] Всеволод Некрасов // Друзья и знакомые кролика. URL: https://frkr.ru/FRIENDS/NEKRASOV/index.html (дата обращения 10.07.2025).

[2] Стоит отметить, что стихи полемического характера появляются еще раньше, в начале 1980-х [Некрасов, 2012, с. 420].

ны против доминирующих иерархий и институтов культурного поля 1990–2000-х гг. и отличаются крайне резкими, а порой и прямо оскорбительными формулировками в первую очередь по отношению к действующим лицам неофициальной литературы, в поле которой находился и сам Некрасов. Примечательно, что основные силы этой полемической атаки направлены не на бывших членов Союза Советских писателей или акторов ленинградской «второй культуры», которые находились в конфронтации с представителями московского андеграунда, а против различных фигур из ближайшего окружения Некрасова, в первую очередь против самих московских концептуалистов (хотя, разумеется, не только против них) – Д. А. Пригова, И. И. Кабакова, Б. Е. Гройса, В. Г. Сорокина, И. М. Бакштейна. Помимо них главными и постоянными объектами критики в прозе Некрасова являются М. Н. Эпштейн [*], К. А. Кедров, В. В. Ерофеев и А. С. Немзер, а с 2000-х гг. к этим именам добавятся также Л. С. Рубинштейн и М. Н. Айзенберг. Отдельные выпады в полемических текстах Некрасова были также направлены против писателей, поэтов, художников, журналистов, литературных критиков, галеристов, кураторов и т. д. Выстроив в хронологическом порядке и проанализировав полемические тексты Некрасова, мы смогли сформулировать основные критические тезисы поэта. Некрасов подвергает резкой критике такие особенности постсоветской культуры, как:

1) замалчивание со стороны прессы и профессионального сообщества поэзии самого Некрасова, а также живописи близких ему художников Лианозовской группы и Э. В. Булатова и О. В. Васильева. Многочисленные факты культурной жизни 1990–2000-х гг., которые Некрасов интерпретировал как подобное замалчивание, называются в его полемических текстах «воровство чужого места»;

2) в гуманитарных науках рост влиятельности теоретиков, которые ставят теоретические концепции выше конкретных художественных практик и тем самым сводят сложность литературы и изобразительного искусства к понятным и удобным концепциям;

3) верхоглядство литературных критиков и литературоведов, которые не знают истории неофициальной литературы и не стремятся в ней разобраться и выстроить верную, в понимании Некрасова, историю неподцензурной литературы;

4) конформизм деятелей неподцензурного искусства, предпочитающих преумножить свой символический и впоследствии финансовый капитал путем сотрудничества с бывшими оппонентами из официальной литературы, например с толстыми литературными журналами;

5) блат, как Некрасов называет систему социальных контактов, которая ставится выше этических принципов неофициальной литературы.

И поскольку те же претензии еще два десятилетия назад можно было адресовать советскому официальному искусству, Некрасов закономерно ставит знак равенства между советской и постсоветской культурной ситуацией, хотя последняя базировалась уже на рыночных категориях успеха, медийности и т. д. О характерах и приемах развернутой Некрасовым критики может свидетельствовать следующий показательный фрагмент:

> Или вот миленькое выражение: передел. Чуть пошевелись – Вы что же это, передел мест захотели устроить? Передел славы. Фу, ну как не стыдно.

[*] Минюстом РФ М. Н. Эпштейн включен в реестр лиц, выполняющих функции иностранных агентов.

> Как пОшло [3]. Замри и не дыши. Поскольку в моем положении движение ребер – и то влечет некоторый передел: до такой степени нету тут моего места. Тут пригота раздулась, лезет, тут метаафера распространилась, тут какой-то пост-прости Господи-Модернизм из-под Мост-извините нас-Банка в полный лист газеты “Сего н д Я” (так! – *С. М.*)… Прет и прет. Прет и прет с фирмовых харчей. Припер, всё. А вы что думали – так тут мне и придавиться по-тихому? Вас этому советская власть учила? А вот меня как раз и другому. Так уж у нас с ней получилось, Представьте себе. И теперь навряд меня переучит уже хоть бы и сам г-н Гусинский. Не сам, не сам, понимаю. Не сам г-н Гусинский, но сонмами архангельскими. Немзерскими, ковалевскими, рассказовскими – какими там. Жуть. А то ведь не видали мы сонмов [Журавлева, Некрасов, 1996, с. 604].

Следует указать, что такие статьи отличаются постоянным и – как будет показано ниже – нарочитым самоповтором. Перечисленные выше критические оценки в целом не меняются и повторяются из текста в текст, создавая своеобразный критический гипертекст Некрасова. В этом гипертексте с течением времени могут появляться новые исторические реалии (например, в статье «Составителям сборника “Русская поэзия глазами американцев”» [4] Некрасов пишет о поэтическом фестивале «Русская поэзия конца века глазами американцев», который проводился с 10 по 14 июня 1997 г. в Москве, а в статье «Кабаков и не только он» [5] критически отзывается об избранных фрагментах из книги И. И. Кабакова «60–70-е… Записки о неофициальной жизни в Москве», вышедшей в 1999 г.), но главные критические тезисы остаются неизменными. Варьируются только формулировки, которые от 1990-х к 2000-м гг. становятся еще более резкими и практически оскорбительными.

Бескомпромиссность в оценках и упорство, с которым Некрасов продолжал свою борьбу против заново сложившихся культурных иерархий, влияли и на другие стороны его творчества. Во-первых, в 1990–2000-е гг. можно отметить влияние полемических текстов на другие типы прозаических текстов: многочисленные критические фрагменты появляются и в теоретических статьях, и в воспоминаниях, интервью, письмах и т. д. Практически каждый прозаический текст, созданный в 1990–2000-е гг., содержит те или иные следы отмеченной полемики. Во-вторых, полемические тексты по своей значимости самим Некрасовым сравниваются с поэтическими произведениями, о чем свидетельствует несколько фактов. При жизни автора за два постсоветских десятилетия был опубликован ряд сборников поэзии и прозы Некрасова, ссылки на большинство из которых были приведены выше. В этих сборниках значимая часть отводится именно прозаиче-

[3] Здесь и далее в цитируемых фрагментах особенности орфографии, пунктуации и графики текстов автора сохранены.

[4] *Некрасов Вс. Н.* Составителям сборника «Русская поэзия глазами американцев» // Друзья и знакомые кролика. 1997. URL: https://frkr.ru/FRIENDS/NEKRASOV/TEXTS/AMER1.html (дата обращения 10.07.2025).

[5] На сегодняшний день интернет-портал «Русский журнал» неактивен, однако в доступе остаются сохраненные копии интернет-страниц: *Некрасов Вс. Н.* И. И. Кабаков и не только он // Русский журнал. 1999. URL: https://web.archive.org/web/20200613045207/http://old.russ.ru/culture/19990915_nekr1-pr.html (часть 1); https://web.archive.org/web/20200224232222/http://old.russ.ru/culture/19990915_nekr2-pr.html (часть 2); https://web.archive.org/web/20200613045351/http://old.russ.ru/culture/19990915_nekr3-pr.html (часть 3) (дата обращения 10.07.2025).

ским текстам полемического характера, причем в сборнике 2002 г. «Живу вижу» прозаический текст «История о том, как и мы попробовали вроде бы быть людьми и что из этого вышло (и как так вышло, и почему же так быстро это произошло таки)» представляет собой развернутый комментарий к уже опубликованным полемическим текстам из сборников «Справка», «Пакет», «Дойче Бух» и «Лианозово». Кроме того, на литературных вечерах Некрасова полемические тексты нередко становились частью творческой программы и читались вслух наравне со стихами. Это позволяет утверждать, что в 1990–2000-е гг. Некрасов воспринимает свою полемическую прозу как равнозначную стихам и ставит этическое начало выше начала эстетического. Таким образом, полемические тексты Некрасова оказываются интересным феноменом постсоветской литературы, поскольку они представляют собой критический взгляд на процесс перераспределения символической власти и успешную (само)реализацию агентов неофициального литературного поля не со стороны представителя советского истеблишмента (например, С. Б. Рассадина), но со стороны одного из главных деятелей неподцензурной литературы позднего СССР.

Эта часть творческого наследия Некрасова уже становились объектом изучения в некоторых статьях, посвященных поэту. А. А. Житенев видит за острой полемичностью некрасовских текстов не просто попытку защитить свой статус классика, но отстаивание ценностей другой, «второй» культуры в новых социокультурных условиях. Сопоставляя позицию Некрасова 1990–2000-х с позицией Мандельштама в 1930-е гг., не принимавшего посредственность и тоталитарный характер складывающегося соцреалистического канона, Житенев пишет: «Потенциальная готовность перейти границы корректности, готовность к безоглядному суждению мотивирована неприятием этической аморфности конформистского сознания. Резкость и “угловатость” В. Некрасова с этой точки зрения – феномен, который следует объяснять не личностными качествами, но той культурой, в рамках которой эти качества были сформированы. Резкость – маркер, позволяющий опознать “своих”, семантический оператор, задающий базовые параметры диалога. Резкость – доказательство этической вменяемости, свидетельство личностной свободы» [Житенев, 2010, с. 37]. И. С. Кукуй также анализирует мотивы Некрасова и замечает, что причина возникновения такой резкой полемической позиции лежит в изменившейся культурной ситуации. До Перестройки в рядах неофициальной культуры главенствовало бинарное противопоставление официальной и неофициальной культуры. Однако распад СССР и переход к рыночной экономике привел к возникновению свободного рынка не только финансовых, но и символических ценностей. И в то время как авторы неофициальной литературы в 1980–1990-е гг. включаются в процесс рыночного обмена, Некрасов остается верен бинарному противопоставлению официального и неофициального и тем самым «проецирует на литературный процесс перестроечной и постперестроечной эпохи свои представления об этике неофициальной культуры и требует, чтобы авторам было предоставлено равное право в артикуляции своих воззрений и доступе к ресурсам публичности» [Кукуй, 2022, с. 336]. Кроме того, особенно ценным представляется наблюдение исследователя об анархистском представлении поэта об искусстве, пространство которого, согласно Некрасову, должно быть избавлено от посредников (критиков, теоретиков или кураторов) и представлять собой непосредственную встречу автора и читателя или зрителя.

Статьи Житенева и Кукуя представляются нам крайне важными, а наблюдения, изложенные в них, – исключительно ценными. Как и упомянутые исследова-

тели, в резкой критике Некрасова мы видим не только (и не столько) личную неприязнь и очередной эпизод литературной борьбы за признание и славу, но признаки творческой стратегии автора, ставшей сегодня более отчетливой благодаря возникшей исторической дистанции. Представляется, что сделанные исследователями выводы могут быть дополнены благодаря новому методологическому подходу. Опираясь на методологию литературной прагматики, суть которой уже излагалась в русскоязычном литературоведении [Венедиктова, 2015; Арсеньев, 2019; Соколова, Захаркив, 2025], мы рассмотрим корпус полемических текстов Некрасова как перформативные высказывания, при помощи которых совершаются те или иные действия. Этот методологический подход представляется нам релевантным для анализа как поэзии, так и прозы Некрасова, во-первых, из-за теоретических размышлений самого автора о сущности прагматического аспекта литературных произведений [6], а во-вторых, из-за того, что Некрасов и вовсе считал прагматическую направленность текста главной чертой концептуализма [Журавлева, Некрасов, 1996, с. 305–323]. Отличительной чертой литературной прагматики как метода является то, что, как писал один из пионеров литературной прагматики Т. ван Дейк в работе 1981 г. «Прагматика литературной коммуникации» [Van Dijk, 1981], данная методологическая оптика интересуется одновременно и тем, какие типы актов могут осуществляться при помощи литературных произведений, и тем, как импликатура «литературных актов» оказывается взаимосвязана с собственно структурой художественного произведения. Взяв на вооружение данный методологический подход, мы по-новому взглянем на полемические тексты Некрасова и поставим два основных вопроса в данной работе: 1) не почему, но зачем Некрасов пишет столь значимое количество достаточно тавтологичных текстов на схожую тему; 2) каким образом оказывается связана структура полемических текстов Некрасова с содержащейся в них импликацией?

Однако прежде всего представляется необходимым указать на еще один фактор, который определяет появление полемических текстов Некрасова в 1990-е гг. На наш взгляд, некрасовское представление об этике неофициальной культуры, о котором пишет И. С. Кукуй, возникает у Некрасова в результате собственной активной деятельности как участника Лианозовской группы на рубеже 1950–1960-х гг., когда Некрасов еще начинал свой творческий путь. Как неоднократно отмечал сам поэт, его попадание в этот круг поздней осенью 1959 г. стало одним из самых важных и запоминающихся событий в его жизни [«Живем словом»…, 2022, с. 141–148], поскольку в Лианозове он обнаружил сообщество художников и поэтов, которые были свободны (насколько это было возможно) от эстетических и цензурных директив официальной культуры. Иначе говоря, не только близость творческих поисков, которую, разумеется, также отмечал Некрасов [Там же, с. 106], но сама социальная структура этого сообщества оказала на Некрасова значительное влияние. Согласно воспоминаниям Некрасова, Лианозовская группа была построена в первую очередь на горизонтальных связях и непосредственном контакте и диалоге между художником или поэтом с одной стороны и зрителем или читателем (или, скорее, слушателем) с другой стороны [Журавлева, Некрасов, 1996, с. 361–362]. Кроме того, важной частью бытовой практики Лианозовской группы были обсуждения, в ходе которых обе действующие стороны оказывались на равных и могли свободно делиться друг с другом впечатлениями или рассуж-

[6] *Некрасов Вс. Н.* Постмодерн и третья реальность // Друзья и знакомые кролика. 2001. URL: https://frkr.ru/FRIENDS/NEKRASOV/3Real.html (дата обращения 10.07.2025).

дениями от увиденного или услышанного. Не менее привлекательным было то, что от встречи к встрече художники и зрители могли меняться местами и выступать уже с противоположных позиций. Кооперация, свобода мнений и творческих изысканий, демократическая открытость для любого нового гостя – вот что Некрасов отмечает в устройстве Лианозовской группы в своих воспоминаниях. Однако анализ эго-документов других участников Лианозовской группы и иных свидетельств создает несколько иную – более сложную и не лишенную неприглядных черт – картину происходившего в Лианозове.

Во-первых, в воспоминаниях Некрасова нечасто фигурируют воспоминания сугубо бытового характера. Тем не менее одним из атрибутов Лианозова были алкоголь и достаточно вольные любовные связи, что всегда было характерно для многих богемных сообществ. Художник В. Н. Немухин так вспоминает типичный день в Лианозове:

> 61-й год, весна, к Оскару в Лианозово приехал Васильев-Мон, зажиточный член МОСХа, из благополучной советской семьи, с двумя собаками-боксерами и дачей. <…> Идем гулять, выпить пол-литра-два, какую-то закусь собрали, проходим окраину Лианозова, болота зеленые, вдруг он увидел лягушачью икру. <…> Он был готов целую оду сочинить лягушачьей икре. Все зачерпнули, стали есть эту лягушачью икру. Лидка (Мастеркова. – *С. М.*) не стала, я попробовал, рыбой какой-то пахнет. Сели, налили водки, выпили, заговорили о возвышенном – такой вот пикник авангардистов. Все это прошло, но было мило и абсолютно подлинно [Алексеев, 2022, с. 79].

Поэт И. С. Холин так вспоминает о Е. Л. Кропивницком, вокруг которого сложилась Лианозовская группа:

> Еще одна из особенностей Евгения Леонидовича: любит весьма говорить о женщинах, и вообще на всевозможные сексуальные и эротические темы. Женщин у него (с его же слов) было не много, но влюблялся он часто, по большей части платонически [Холин, 2020, с. 158].

В своих воспоминаниях Некрасов явно купирует богемную атмосферу тех лет, представляя Лианозово в более благоприятном облике, чем оно было в действительности.

Во-вторых, не были свойственны литературному крылу Лианозовской группы непредвзятость и абсолютная свобода в оценках поэтических произведений. Г. В. Сапгир и И. С. Холин, насколько нам известно, никогда не отзывались о деятелях официальной культуры положительно, а подобные оценки третьих лиц они встречали достаточно резко, в то время как в прозаическом наследии Некрасова можно встретить множество положительных откликов о поэзии А. Т. Твардовского, А. С. Кушнера, Л. Н. Мартынова, Б. Ш. Окуджавы и других авторов, допущенных к официальной печати [«Живем словом»…, 2022, с. 16–17, 82–83, 132]. Умение ценить поэзию вне зависимости от ее социокультурной прописки было свойственно Некрасову, но не всем лианозовцам.

В-третьих, стоит отметить, что, описывая взаимодействие художника и зрителя как равных в Лианозове, Некрасов в определенной степени идеализирует и публику. Многочисленные личные свидетельства показывают, что сам Некрасов действительно был одним из самых внимательных, вдумчивых и глубоких зрителей [Там же, с. 291–294]. Некрасова следовало бы назвать исключительным зри-

телем и читателем, таким, какого сам поэт ожидал встретить в 1980–1990-е гг., когда его стихи впервые появились в официальной печати. Как известно, этим надеждам не суждено было сбыться, поскольку в результате утраты русской (и в целом европейской) культурой литературоцентричного характера количество читателей и само умение качественно читать и понимать тексты существенно снизились [Берг, 2001]. Отчасти поэтому Некрасов, который в 1990–2000-е гг. активно печатался, выступал на коллективных и индивидуальных творческих вечерах в России и за границей, продолжал говорить о замалчивании своего творчества: авторские ожидания не совпали с реальной читательской реакцией.

Итак, в 1990–2000-е гг. Некрасов требовал от участников неподцензурной культуры той же ответственности и преданности прежним этическим принципам, которая изначально была свойственна самому Некрасову, но не всей «второй культуре». Нельзя не согласиться со словами И. С. Кукуя о том, что представления Некрасова об идеальных формах организации литературных и художественных консолидаций напоминают анархистские модели сообществ, построенных исключительно на основе горизонтальных связей. В неофициальном литературном быту 1970–1980-х гг. такие сообщества все еще продолжали существовать, и Некрасов играл в них значимую роль [«Живем словом»…, 2022, с. 333–346]. Однако в годы Перестройки и 1990-е гг., когда неофициальная культура постепенно проникала в публичную сферу – появилась на выставках и на страницах литературных журналов, заявляла о себе в общем медийном поле, т. е. так или иначе институализировалась, что закономерно вело к усложнению ее структуры, возникновению новых иерархий и появлению различных посредников в отношениях между художником и зрителем, – Некрасов, исходя из собственных представлений о единственно допустимом горизонтальном устройстве неофициальных сообществ в противоположность институализированности официального литературного процесса, закономерно воспринимал происходившую перемену как сдачу прежних этических позиций, которые на протяжении 1950–1980-х гг. обеспечивали неофициальной литературе творческую и интеллектуальную независимость.

Этот социокультурный контекст нам представляется крайне важным для понимания как импликатуры, так и художественной структуры некрасовских полемических текстов. Одной из отличительных черт этих произведений является их особое стилистическое устройство, отчетливо заметное в некоторых интервью поэта. Некрасов предпочитал давать интервью письменно, поскольку это позволяло подготовить и отредактировать собственные ответы. В интервью Некрасова, данном М. А. Кучерской по случаю выхода книги «Живу вижу» в 2002 г., стилистически выделяется фрагмент, в котором Некрасов возвращается к знакомым для читателя критическим выпадам из 1990-х гг.:

> Тот же Вовансовокин (имеется в виду Владимир Сорокин. – *С. М.*) глядел-глядел хоть и на Сапгира с Холиным, и понял так, как он понял. Что переплюнуть – это не раз плюнуть, а разов побольше. Наблюдательный Вовансовокин подметил, что породу профессиональных больших чистюль Лианозово не очень жалует. Что воротничок – все-таки не первая забота за работой. И так и понял: значит, первая забота теперь – такой воротничок и ручки-пальчики-ноготки, чтобы все спужались. Во фокус. Ребята, это вы

от блатной своей суматохи. Странно вы поняли. Заспешили, заспешили – и нет, нет, нет. Не туда… [7]

Этот фрагмент в стилистическом плане резко отличается от остального текста интервью. Вот как, например, Некрасов отвечает на вопрос о связи между поэзией Некрасова и картинами Булатова, воспроизведенными в книге «Живу вижу»:

> Но мои визуальные опыты, мне кажется, в принципе могли бы обойтись и без соседства с репродукциями – как оно и было в других книжках: «Справке», «Пакете». При всей любви к художникам, всей уверенности в приоритете именно изобразительного искусства внутри нашего «другого» нету у меня ощущения какого-то буквального следования художникам в этих визуальных опусах – разве что рамочка, которая появилась не сразу [8].

Нам представляется, что столь очевидная разница в синтаксическом устройстве и выборе лексики объясняется тем, что собственные полемические тексты воспринимаются Некрасовым не только как публицистические, но и как художественные. Проведенный нами анализ статей данного типа позволил обнаружить ряд сходств между его поэтической практикой и критическими статьями.

Во-первых, полемические тексты Некрасова напоминают поэзию Некрасова на композиционном уровне. В одном из своих главных теоретических текстов, «Объяснительная записка», Некрасов рассуждает о понятии пространства и многочисленных сносках, которые встречаются в его стихах. По мнению поэта, плоскость листа стала одним из главных объектов его рефлексии и пространством реализации творческих стратегий. Многочисленные скобки, уточнения, сноски, ссылки и «рукава» нарушают базовый принцип иерархичности и линейности текста, предлагая вместо них ризоматическое устройство произведения (важно уточнить, что сам Некрасов не употребляет слово «ризома»). Полемические (да и в целом прозаические) тексты Некрасова в сборниках «Справка» и «Пакет» строятся по тому же принципу: прозаические тексты оснащаются многочисленными предисловиями, послесловиями, дополнениями, уточнениями, автоцитатами и ссылками, что ослабляет синтагматические связи в прозе и позволяет говорить о ее художественном характере.

О том же свидетельствует и сам метод создания прозаических текстов. В архиве Некрасова сохранилась неопубликованная статья «<Художник и власть>», написанная после посещения поэтом выставки «Родина / Отечество», проходившей в Москве с 11 по 21 июля 2002 г. Сохранившийся компьютерный файл [9] представляет крайний интерес с точки текстологии в компьютерную эпоху. Первые тринадцать страниц компьютерного набора содержат цельный – и, вероятно, завершенный – текст, а оставшиеся четырнадцать страниц представляют собой черновые варианты различных фрагментов статьи. На этих страницах встречаются целые абзацы, завершенные предложения, а порой и отдельные поэтические находки автора, например созвучия, каламбуры и паронимические аттракции.

---

[7] *Некрасов Вс. Н.* «Не хочу и не ищу – живу и вижу…» // Русский журнал. 2002. URL: https://web.archive.org/web/20200221113957/http://old.russ.ru/ist_sovr/20021223_nekr.html (дата обращения 10.07.2025).

[8] Там же.

[9] Файл был предоставлен автору одной из наследниц Вс. Н. Некрасова, доцентом филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, д-ром филол. наук Г. В. Зыковой.

В прозаическом корпусе такие сближения слов часто повторяются: самые известные, пожалуй, – это «пригота» (сочетание фамилии Д. А. Пригова и мокроты) и «кабачки» (так Некрасов называет подобострастных почитателей и эпигонов И. И. Кабакова). М. А. Сухотин, поэт и младший современник Некрасова, подготовивший к изданию несколько его посмертных сборников стихотворений, писал, что подобным образом выглядят блокноты и тетради Некрасова, в которых он работал над стихотворениями [10]. Мы рискнем предположить, что полемические тексты Некрасова создавались схожим образом: от частных, отдельных языковых находок Некрасов переходил к целым абзацам и предложениям, которые не обязательно подразумевали ясность и упорядоченность, свойственные публицистическим текстам.

Из нашего второго наблюдения вытекает и третье: в полемических текстах Некрасов активно использует свой излюбленный прием – паронимическую аттракцию. «Союз советских приятелей», рифма между «ЕПС» (имеется в виду творческий тандем В. В. Ерофеева, Д. А. Пригова и В. В. Сорокина, существовавший в 1980–1990-е гг.) и «КПСС», «пригота-кабаковина-куликовина» – подобные примеры поэтической игры можно найти, пожалуй, в каждом полемическом тексте Некрасова. Сути и природе этого тропа в поэзии Некрасова посвящена одна из самых первых статей о творчестве поэта [Janecek, 1989], однако в ней анализировалось использование паронимической аттракции в поэзии Некрасова (что закономерно, поскольку статья была написана по-английски в 1989 г., когда корпус полемических текстов еще не был создан). Обильное присутствие паронимической аттракции и других тропов в прозе Некрасова позволяет утверждать, что полемические статьи воспринимались Некрасовым как художественные тексты.

Анализ структуры полемических текстов, выявивший их связь с поэзией Некрасова, позволяет нам определить прагматику данного типа текстов и ответить на вопрос, зачем Некрасову потребовалось так много и так часто говорить на приблизительно одну и ту же тему на протяжении 1990–2000-х гг. Как нам представляется, прагматика Некрасова в 1990-е гг. аналогична тому проекту, который он стремился реализовать в поэтическом творчестве примерно с 1960-х гг. В центральной теоретической статье «Концепт как авангард авангарда» (1982 г.) Некрасов сформулировал прагматику своего творчества следующим образом:

> Язык наш – и враг, и друг наш, и вырвать его – нам не выход в любом случае. Он нас доводит до жизни такой, ему же теперь и вытягивать нас помаленьку, иных способов не видно. И речь, как и всякий организм, покуда живет, не только несет болезни, но и вырабатывает антитела против них, защитные силы. <…> И не вижу способа, серьезно говоря, как лечить речь чем-то еще, кроме речи [Журавлева, Некрасов, 1996, с. 296–297].

Творческая практика Некрасова строится на использовании повседневной речи в качестве живой ткани поэзии, отчуждении властных интенций, пронизывающих живую речь, и – в потенциальной перспективе – в перформативном обнажении творческого потенциала каждого слова. Последнее особенно ярко проявилось в мегалопроекте Некрасова «Правила исключения», который был задуман поэтом

[10] *Сухотин М. А.* Датировка стихов Вс. Некрасова периода «Геркулеса» и некоторые замечания к вопросу о понятии качества для него в связи с этим // Друзья и знакомые кролика. 2012. URL: https://frkr.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/dat_nekrasov.html (дата обращения 10.07.2025).

в начале 1960-х гг. и над которым он продолжал работать до самой смерти. И если в 1950–1980-е гг. Некрасов стремится «излечить» пространство речи самой же речью, сначала апроприировав «зараженную» властными интенциями речь и наглядно излечив ее, то в 1990–2000-е гг. той же импликацией оказываются наделены его полемические тексты. Беспрестанная, последовательная и жесткая критика блата, конформизма, верхоглядства и замалчивания вкупе с использованием различных поэтических приемов были призваны:

1) обнажить очевидное и драматичное для Некрасова сходство между советской и постсоветской культурой;

2) очистить социокультурное пространство теми же средствами, какими Некрасов стремился экологизировать пространство языка;

3) дискредитировать и исключить фигуры посредников между художником и публикой и потенциально приблизиться к некрасовскому идеалу институциональных отношений, построенных исключительно на горизонтальных связях.

В нашей статье главной задачей было рассмотреть полемическую прозу Некрасова как часть его общего прагматического проекта, реализовывавшегося приблизительно с начала 1970-х гг. Однако оценка успешности (или неуспешности) выбранной им творческой стратегии должна принадлежать уже не литературоведу, а литературному критику и читателю.

Список литературы

Алексеев В. Идеально другие: художники о шестидесятых. М.: НЛО, 2022. 552 с.

Арсеньев П. А. К конструкции прагматической поэтики // Литература факта высказывания. Очерки по прагматике и материальной истории литературы. СПб.: *démarche, 2019. С. 102–112.

Берг М. Ю. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: НЛО, 2001. 342 с.

Берг М. Ю. Андеграунд. Два поколения // Андеграунд. Итоги. Ревизия. М., СПб.: Пальмира, 2022. С. 202–228.

Венедиктова Т. Д. Литературная прагматика: конструкция одного проекта (Обзор исследований литературы как коммуникации) // НЛО. 2015. № 5 (135). С. 326–345.

«Живем словом»: Всеволод Некрасов в письмах и воспоминаниях / Сост. и отв. ред. Г. В. Зыкова, Е. Н. Пенская. М.: ИД ВШЭ, 2022. 639 с.

Житенев А. А. «Можно уж и я немножко скажу…»: этос нетерпимости в творчестве Всеволода Некрасова // Полилог: электронный научный журнал. 2010. № 3. С. 35–38.

Журавлева А. И., Некрасов Вс. Н. Пакет. М.: Меридиан, 1996. 629 с.

Кукуй И. С. Еще раз об этике и эстетике: публицистика Вс. Н. Некрасова в контексте актуальных стратегий канонизации советского искусства // Восемь великих. М.: РГГУ, 2022. С. 331–340.

Некрасов Вс. Н. Справка: ЧТО из стихов. ГДЕ за рубежом. КОГДА опубликовано (1975–1985): Стихи Некрасова. М.: Постскриптум, 1991. 79 с.

Некрасов Вс. Н. Дойче Бух. М.: Век XX и мир, 1998а. 172 с.

Некрасов Вс. Н. Лианозово. М.: Век XX и мир, 1998б. 172 с.

Некрасов Вс. Н. Живу вижу. М.: Крокин-Галерея, 2002. 243 с.

Некрасов Вс. Н. Стихи 1956–1983. М.: Библиотека Московского Концептуализма Германа Титова, 2012. 591 с.

Савицкий С. А. Андеграунд: история и мифы ленинградской неофициальной культуры. М.: НЛО, 2002. 223 с.

Соколова О. В., Захаркив Е. В. Прагматика и поэтика. М.: НЛО, 2025. 328 с.

Холин И. С. С минусом единица: повесть, дневник, записки. Вологда, 2020. 248 с.

Janecek G. Vsevolod Nekrasov, Master Paronymist // Slavic and East European Journal. 1989. No. 2 (33). P. 275–292.

Van Dijk T. The pragmatics of Literary Communication // Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague, 1981. P. 243–263.

References

Alekseev V. *Ideal'no drugiye: khudozhniki o shestidesyatykh* [Perfectly different: artists about the sixties]. Moscow, NLO, 2022, 552 p.

Arsen'ev P. A. K konstruktsii pragmaticheskoy poetiki [Towards the construction of pragmatic poetics]. In *Literatura fakta vyskazyvaniya. Ocherki po pragmatike i material'noy istorii literatury* [Literature of the fact of utterance. Essays on pragmatics and the material history of literature]. St. Petersburg, démarche, 2019, pp. 102–112.

Berg M. Yu. Andegraund. Dva pokoleniya [Underground. Two generations]. In *Andegraund. Itogi. Reviziya* [Underground. Results. Revision]. Moscow, St. Petersburg, Pal'mira, 2022, pp. 202–228.

Berg M. Yu. *Literaturokratiya. Problema prisvoyeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature* [Literaturocracy. The problem of appropriation and redistribution of power in literature]. Moscow, NLO, 2001, 342 p.

Janecek G. Vsevolod Nekrasov, master paronymist. *Slavic and East European Journal*. 1989, no. 2 (33), pp. 275–292.

Kholin I. S. *S minusom yedinitsa: povest', dnevnik, zapiski* [With a minus one: novella, diary, notes]. Vologda, 2020, 248 p.

Kukuy I. S. Yeshche raz ob etike i estetike: publitsistika Vs. N. Nekrasova v kontekste aktual'nykh strategiy kanonizatsii sovetskogo iskusstva [Once again about ethics and aesthetics: Vs. N. Nekrasov's journalism in the context of current strategies for the canonization of Soviet art]. In *Vosem' velikikh* [Eight great ones]. Moscow, RSUH, 2022, pp. 331–340.

Nekrasov Vs. N. *Doyche Bukh* [Deutsche Buch]. Moscow, Vek XX i mir, 1998a, 172 p.

Nekrasov Vs. N. *Lianozovo*. Moscow, Vek XX i mir, 1998b, 172 p.

Nekrasov Vs. N. *Spravka: ChTO iz stikhov. GDE za rubezhom. KOGDA opublikovano (1975–1985): Stikhi Nekrasova* [Reference: WHAT from poems. WHERE abroad. WHEN published (1975–1985): Nekrasov's poems]. Moscow, Postskriptum, 1991, 79 p.

Nekrasov Vs. N. *Stikhi 1956–1983* [Poems 1956–1983]. Moscow, Biblioteka Moskovskogo Kontseptualizma Germana Titova, 2012, 591 p.

Nekrasov Vs. N. *Zhivu vizhu* [I live I see]. Moscow, Krokin-Galereya, 2002, 243 p.

Savitskiy S. A. *Andegraund: istoriya i mify leningradskoy neofitsial'noy kul'tury* [Underground: history and myths of Leningrad unofficial culture]. Moscow, NLO, 2002, 223 p.

Sokolova O. V., Zakharkiv E. V. *Pragmatika i poetika* [Pragmatics and poetics]. Moscow, NLO, 2025, 328 p.

Van Dijk T. The pragmatics of literary communication. In *Studies in the Pragmatics of Discourse*. The Hague, 1981, pp. 243–263.

Venediktova T. D. Literaturnaya pragmatika: konstruktsiya odnogo proekta (Obzor issledovaniy literatury kak kommunikatsii) [Literary pragmatics: construction of a project (a review of studies of literature as communication)]. *New Literary Observer*. 2015, no. 5, pp. 326–345.

"Zhivem slovom": Vsevolod Nekrasov v pis'makh i vospominaniyakh ["We live by the word": Vsevolod Nekrasov in letters and memoirs]. G. V. Zykova, E. N. Penskaya (Comps., Eds.). Moscow, HSE Publishing House, 2022, 639 p.

Информация об авторе

Михаил Евгеньевич Сапрыкин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела по изучению театрального наследия ГЦТМ им. А. А. Бахрушина; старший преподаватель кафедры искусствоведения Театрального института им. Бориса Щукина (Москва, Россия)

Information about the author

Mikhail E. Saprykin, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department for the Study of Theatrical Heritage, Bakhrushin Theatre Museum; Senior Lecturer, Department of Art History, The Boris Shchukin Theatre Institute (Moscow, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 21.07.2025;
одобрена после рецензирования 10.09.2025; *принята к публикации 10.09.2025*
The article was submitted on 21.07.2025;
approved after reviewing on 10.09.2025; *accepted for publication on 10.09.2025*